

в характерных празднично-фарсовых образах описывал пиршество, устроенное хлебосольным вельможей:

Какой театр, как всю вселенну,
Ядущих и ядому тварь,
За твой, я вижу, стол вмещенну,
И ты сидишь, как сирский царь...²⁵

Державин и Заболоцкий опирались на неиссякаемую традицию простонародных зрелищ и праздников, разумеется, заметно изменившуюся в XX в., но все-таки не исчезнувшую и продолжавшую оказывать воздействие на книжную культуру. Нужно к тому же сказать, что поэтическое искусство XIX в. не дало стихотворных произведений, в которых эта традиция была бы столь же отчетливой, всепронизывающей, конструктивно обнаженной, как в сопричастных художественных системах Заболоцкого и Державина.

Правда, в их стихах образы зрелищного плана имели далеко не одинаковую направленность. Карнавал Заболоцкого в «Столбах» лишь расшатывает, а не очищает мир от страшного. Это ночной карнавал. Только в «Безумном волке» и особенно в «Торжестве земледелия» Заболоцкий отказался от односторонних, неполных карнавалов форм. В творчестве Державина мир предстает гораздо более устойчивым и прочным, чем у Заболоцкого. Тем не менее обоим художникам, ориентировавшимся на одну и ту же традицию, было свойственно стремление сочетать несочетаемое, опровергать, осмеивать ходячие вымыслы, создавать телесно-материальные и намеренно сниженные образы, вроде тех, которые возникают в державинском «Желании зимы»:

Спеши, и нашу Музу,
Кабачковую певицу,
Наполнь хмельного гρουзу,
Наладь ее скрипицу!²⁶

Для поэтического языка Заболоцкого и Державина характерна та «своеобразная логика „обратности“ (à l'envers), „наоборот“, „наизнанку“, логика непрерывных перемещений верха и низа («колесо»),²⁷ которую М. М. Бахтин считает одним из отличительных признаков народных зрелищ.

²⁵ Державин, т. I, стр. 733—734.

²⁶ Державин, т. III, стр. 345.

²⁷ М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Изд. «Художественная литература», М., 1965, стр. 14.